

Женские страдания

ПРЕМЬЕРА ОПЕРЫ «ЦАРСКАЯ НЕВЕСТА» В ТЕАТРЕ ОПЕРЫ И БАЛЕТА рассказывает Кася Попова

ОТ ПРЕМЬЕРЫ «Царской невесты» в Екатеринбургском оперном театре, с учетом ее антикварной ценности, ожидали имперского размаха. Но спектакль получился, скорее, камерным и чрезвычайно декоративным, без особой парадности, зато бурлящим от страстных чувств — про трагическую любовь и смерть.

За столетие работы оперного театра в Екатеринбурге «Царскую невесту» в нем ставили девять раз. Первый раз — в 1913-м, а предпоследнюю по счету «Невесту» — семь лет назад создал главный режиссер «Геликон-оперы» Дмитрий Бертман. Тот минималистский спектакль игрался практически в «черном кабинете», и на этом черном-черном фоне сияли великолепные расшитые золотом и драгоценностями кокошники и бармы. За этот вдохновенный и уникальный hand made художник театра по головным уборам Татьяна Митрошина получила областную премию «Браво».

Художественное оформление новой постановки «Царской» целиком перенесено из Москвы и из прошлого, свет, режиссура, оркестровка — оригинальные работы. Согласно договору о партнерстве, над спектаклем в Екатеринбургском оперном театре работала постановочная группа Большого театра.

Эскизы декораций и костюмов принадлежат пятикратному лауреату Сталинской премии, народному худож-

СПЕКТАКЛЬ ПОЛУЧИЛСЯ, СКОРЕЕ, (КАМЕРНЫМ И ЧРЕЗВЫЧАЙНО ДЕКОРАТИВНЫМ)

нику СССР Федору Федоровскому и добыты из музея ГАБТа: по ним ставился спектакль 1956 года. Художник по возобновлению Игорь Оганов (ГАБТ) принял музейное достояние за догму и ничего в оформлении не менял.

Работа Федоровского считается ярким образцом «большого стиля» Большого театра, однако при их перенесении на екатеринбургскую сцену театра возник неожиданный эффект камерности. Декорации мэтра оказались великоваты, поскольку по площади екатеринбургская сцена более чем в два раза меньше сцены главного театра страны (11х7 против 18х10 метров).

Масштабирование декораций отобрало у них помпезность, и на первый план вышла их декоративность. И в работе Федоровского — ученика гениального Врубеля — адаптированной к екатеринбургской сцене, прочитывается не столько пафос времен культа личности, сколько более утонченные, мирикуснические традиции. Современный театр постепенно отказывается от расписанных задни-

ков и суперзанавесов, заменяя их более современными материалами или видеопроекциями, но в оформлении «музейного» спектакля сохранили много «мягких» декораций.

Любовная трагедия разыгрывается в сказочно красивых интерьерах, чрезвычайно похожих на иллюстрации к русским сказкам Васнецова или Билибина, и, например, Лыков в расшитом кафтане и сапожках с загнутыми носками выглядит не столько боярином, сколько Иваном-царевичем, которому разве что не достаёт лука со стрелами и лягушки. Сцена мастерски оживлена светом, какого во времена Федоровского не было и быть не могло. Художник по свету Сергей Шевченко (ГАБТ), на мой взгляд, много добавил спектаклю акварельности и нежности, характерной для «мирикусников».

Десятую по счету «Царскую» — трагедию, где кипят страсти и льется кровь, поставил режиссер ГАБТа Михаил Панджavidze. Он добавил опере триллерности — и опричники на глазах зрителей до смерти мучают какого-то бедолагу. Вот только при-

ставные бороды мужского хора так забавно топорщатся, что особого страха перед «замаскировавшимися» не испытываешь. Так что совсем уж злобщей опричина не выглядит, приводит в трепет разве что главный негодяй — рыжий и колоритный Малюта Скуратов (Гарри Агаджанян).

Наибольшее впечатление производят не ужасы «темного времени», а женские страдания. Две главные женские роли прекрасно сыграны и спеты. В спектакле работают три состава, а на премьере партию Марфы пела Наталья Карлова, Любашу — Надежда Бабинцева. Любаша у нее получилась страстная до того, что, как кажется, ее сердце рвется на части. Все горе брошенной женщины пропето в арии «Господь тебя осудит», одной из «визитных карточек» русской классической оперы.

Наталья Карлова пела Марфу в прошлой постановке, у Бертмана. Ее боярская невеста нежна и невинна, а в финальной арии («Иван Сергеевич, хочешь в сад пойдем») в ней появляется что-то от Офелии. Светлое счастье безоглядно влюбленной девушки трансформируется в бред сумасшедшей — несмотря ни на что, лиричный и пронзительный. Как и в любой своей партии, Наталья Карлова продолжает разгадывать «русскую душу», — или, напротив, загадывать загадку, решать которую предстоит зрителям.